

Случай изъ практики сельскаго священника.*)

Жизнь священника въ селѣ—лучшее училище, гдѣ онъ можетъ ознакомиться съ весьма многими предметами, о которыхъ ранѣе иной и не думалъ. Здѣсь каждый шагъ священника даетъ ему на первыхъ порахъ что-нибудь новое, особенно тѣмъ изъ пастырей, которые еще вполнѣ не усвоили себѣ того такта, какимъ должны пользоваться въ званіи сельскаго пастыря и затѣмъ не вырѣшили себѣ, какими мотивами удобнѣе всего руководиться тамъ, гдѣ общество жаждетъ не отвлеченныхъ философскихъ сужденій и взглядовъ, а простыхъ примѣровъ и словъ, растворенныхъ христіанскою любовію и кротостію пастыря.

Для молодаго пастыря приходъ сначала представляетъ весьма сложное дѣло и онъ неволью начинаетъ беспокоиться и теряться въ самомъ себѣ, или берется съ горячностію за одно какое-нибудь дѣло, оставляя въ сторонѣ все прочее; тогда какъ его пастырское назначеніе должно состоять въ томъ, чтобы отвѣчать, по возможности, на все, что только можетъ встрѣтиться въ средѣ прихожанъ—крестьянъ, которые привыкли въ затруднительныхъ случаяхъ обращаться къ своему „батюшкѣ“. „Онъ—де знаетъ, его этому учили!“ говорить, обыкновенно, простой народъ тогда, когда ему нуженъ особенный полезный совѣтъ. Такимъ образомъ священникъ можетъ занимать въ обществѣ и положеніе совѣтника и учителя не только въ области познаній и понятій чисто религіозныхъ, но и въ кругу познаній практическихъ, пригодныхъ въ общежитіи и семьѣ каждаго поселянина.

Нѣтъ большой надобности говорить о томъ, въ какой еще темнотѣ находится простой народъ, но достаточно указать нѣсколько примѣровъ, которые будутъ говорить въ пользу того, что священникъ для прихожанъ долженъ быть всеѣмъ и главнымъ образомъ долженъ заботиться объ устраниеніи изъ среды ихъ обычаевъ, которые особенно вредятъ пастырю, когда онъ хочетъ посясть на избранномъ полѣ хорошее сѣмя. Всякій земледѣлецъ, какъ извѣстно, прежде чѣмъ вспахать и посѣять, очищаетъ землю

*) Редакція Тоб. Епарх. Вѣд., съ соизволенія Архипастыря, просила бы и другихъ священниковъ присылать подобнаго рода наблюденія за жизнью своихъ прихожанъ.

отъ разныхъ сорныхъ травъ и сучьевъ; такъ и священникъ, прежде чѣмъ хочетъ посвятить въ народѣ какое-нибудь особенно полезное ученіе, долженъ сначала подготовить самую почву, очистивъ ее отъ примѣси постороннихъ, совсѣмъ ненужныхъ понятій, какъ напр. обычаевъ, предрасудковъ и суевѣрій, которымъ простой народъ привыкъ придавать значеніе догматическое, а самыя догматы, на которыхъ забылся все ученіе православной церкви, понимаются имъ болѣе съ внѣшней или обрядовой стороны. Моя жизнь въ сельскомъ приходѣ, не смотря на краткость времени, дала столько новаго, небывалаго, сколько я не ожидалъ. Въ первый же день моего служенія мнѣ пришлось крестить десять младенцевъ. И что же мнѣ пришлось здѣсь встрѣтить?—Пустой, ни съ чѣмъ несообразный обычай: всѣ младенцы были завернуты во что-то самое грязное, отъ чего разносился неприятнѣйшій запахъ. Не вслѣдствие же бѣдности родителей, думалъ я, завернуты младенцы въ такія лохмотья, такъ какъ всѣ десять были въ одинаковыхъ пеленахъ. Ужели, думалъ я, изъ десяти нѣтъ ни одного младенца „справныхъ“ родителей?..

—Отъ чего это у насъ всѣ младенцы завернуты въ какія-то грязныя тряпки? Ужели не могли найти чистаго куска холста?

—У насъ тако повѣрье, заговорили присутствующие при этомъ ихъ „бабушки повитухи“, до крестбинъ у насъ всегда завертываютъ ребятъ въ нечистое*), такъ какъ онѣ еще не чисты, а когда окрестятъ, тогда завертываютъ въ чистое.

Положимъ, въ этомъ обычаѣ нѣтъ ничего общаго съ религіей, но въ то же время онъ былъ неудобнымъ въ томъ отношеніи, что самое таинство крещенія и муромозанія требуетъ особеннаго приготовленія отъ крещаемыхъ, а слѣдовательно, чистоты душевной и тѣлесной, почему я тутъ же сказалъ противъ этого „повѣрья“ нѣсколько словъ и, послѣ немногихъ краткихъ поученій, обычай этотъ сталъ замѣтно исчезать.

Были при таинствѣ крещенія еще два обычая, противъ которыхъ также пришлось вооружиться словомъ. Это—привязываніе къ рукъ младенца „сорочки“ и обмакиваніе соски въ купель

*) Нарѣчіе переселенцевъ изъ Россіи.

послѣ погруженія младенца. Спросишь ихъ: „откуда это у васъ такой обычай, такое повѣрье? И въ отвѣтъ всегда получишь одно и то же, что „такъ—де дѣлали наши старики и старушки и насъ этому научили!“ Въ настоящее время въ с. С—мъ ни одна „баушка“ не позволитъ себѣ привязать къ рукѣ младенца „сорочку“ или обмакнуть „рожокъ“ въ купель.

Болѣе всего заслуживаетъ вниманія обычай, отличающійся особенною грубостію и невѣжествомъ и употребляемый единственно при бракахъ,—это „принось вина“ въ церковную сторожку, гдѣ предъ „вѣнцемъ запиваютъ винцемъ“, какъ выражаются участвующіе въ свадебномъ поѣздѣ. Даже былъ случай, что разъ женихъ принялъ участіе въ этой попойкѣ, за что бракъ былъ отложенъ на недѣлю. Противъ такого грубаго, ни съ чѣмъ несообразнаго обычая пришлось мнѣ дѣйствовать не только словомъ, но и дѣломъ и, послѣ 8—10-ти такихъ браковъ, „принось вина“ въ церковную сторожку не появлялся.

Выше я уже сказалъ, что многіе изъ крестьянъ смотрятъ на таинства церкви, болѣе съ обрядовой, а не догматической стороны, что выразилось и при бракахъ, а съ особенной силой—при таинствѣ покаянія, гдѣ я вполне убѣдился, что таинство покаянія нерѣдко служитъ для нѣкоторыхъ какъ предохранительное средство отъ вмѣшательства земской власти въ случаѣ смерти больнаго.

Случилось мнѣ разъ быть у одного тяжело больнаго, который уже не могъ владѣть языкомъ, а слѣдовательно не могъ и повѣдать мнѣ своихъ грѣховъ.

—Давно ли онъ заболѣлъ, спрашиваю я семейство больнаго?

—Недѣлю двѣ съ половиной!.. отвѣтила мнѣ мать больнаго.

—Почему же вы не послали за мной ранѣе, когда больной могъ еще говорить?

—Да—думали, что вотъ—вотъ онъ выздоровѣтъ, такъ и позамѣшкались... Исповѣдай, пожалуйста, батюшка, какъ-нибудь и дай ему причастія!

—Причастіе его не могу: причастіе дается только тѣмъ, кто можетъ вполне сознательно исповѣдать свои грѣхи, а твой больной не въ состояніи сказать даже слова: „грѣшенъ“,—сказалъ я матери больнаго.

— Какъ же быть то теперь? спрашивала старушка. Ужъ это бы ничего, что онъ не исповѣдался и не приобщился, да боязно, если умереть—хоронить-то долго не дадутъ.

Случаевъ такихъ при мнѣ было до пяти. Пріѣзжаетъ ко мнѣ разъ мужичекъ и зоветъ съ требой къ больному въ д. Б—ры.

— Кто у тебя заболѣлъ и чѣмъ, спрашиваю я?

— Братъ што-то захворалъ, — не вѣдаю чѣмъ.

— Давно онъ захворалъ?

— Съ недѣлю будетъ... А сегодня ужъ шибко у него къ сердцу подступило.

Одѣвшись и взявъ съ собой сумку съ необходимыми принадлежностями для требъ, я поѣхалъ.

Вошелъ въ домъ, спрашиваю: „гдѣ больной?“

— Онъ куда-то ушедши, кажись, въ лавоцку, — отвѣчала мнѣ жена больного.

— Значить, больной вашъ можетъ ходить, спросилъ я? Ступайте, — приведите его!

— Онъ сегодня, батюшка, сильно выпимши и нацалъ буйнить; мы взяли да и послали за тобой, а то какой случай може случиться—онъ помретъ... насъ затаскають, говорила жена отсутствующаго больного, а ты батюшка, все-таки—оправданье!

Подобныхъ примѣровъ бываетъ много и на чью же долю должно выпасть искорененіе такого невѣжества среди крестьянства? Конечно, на долю священника, который долженъ быть не только учителемъ и совѣтникомъ, но и другомъ и отцемъ каждаго. Его дружеская задушевная бесѣда мало-по-малу можетъ повліять на душу и сердце каждаго христіанина. Только при дружескихъ и кроткихъ отношеніяхъ возможно нѣсколько вкоренить хорошія понятія въ народъ; въ противномъ случаѣ на священника будутъ смотрѣть какъ на бичъ, который привыкли видѣть крестьяне въ лицѣ своихъ земскихъ властей.

Понятно, молодому священнику, пожившему еще мало въ приходѣ, подобные факты могутъ казаться весьма странными и выходящими изъ ряда обыкновенныхъ и, пожалуй, нѣкоторые начинаютъ тревожиться, что попали на такой приходъ, гдѣ кругомъ царствуетъ невѣжество и крайнее заблужденіе.

Вотъ тутъ-то и необходимо терпѣніе и мужество для чловѣка новаго, облеченнаго въ благодать священства. Жизнь въ сельскомъ приходѣ для молодаго священника—вторая школа. Одной виѣшней заботы пастыря здѣсь мало; нужна особенная твердая и настойчивая дѣятельность, проникнутая любовію пастырской; нужно его сильное слово, обращенное къ овцамъ. И нѣтъ

сомнѣнія, что овцы послушаютъ голоса пастыря, если только онъ въ свою очередь съ ревностію возмется оправдать цѣль своего высокаго призванія, не какъ наемникъ, а какъ человѣкъ призванный къ этому свыше.

Всякій врачъ, будучи призванъ къ больному не теряетъ надежды на его выздоровленіе и, по возможности, принимаетъ тѣ или другія мѣры; такъ и пастырь долженъ имѣть твердую надежду на изцѣленіе своихъ чадъ отъ слѣпоты духовной, если только въ немъ самомъ не охладѣло чувство любви и привязанности къ прямому долгу пастыря.

Да поможетъ намъ Господь Богъ, молодые собраты, потрудиться въ дѣлѣ образованія своихъ духовныхъ чадъ! Да просвѣтитъ и научитъ Онъ насъ, якоже и апостоловъ своихъ! Да пошлетъ намъ терпѣніе и силу! И если кто изъ насъ „лишенъ есть премудрости, да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ, нелицепріемнѣ, и дастся ему (Іак. 1, 5)“, для труда на пользу церкви и отечеству.

Священникъ Іоаннъ Голошубинъ.